

Вознесенский совершенно не старится. Просто какой-то вечвоззеленый, вечноудачливый, источающий светские улыбочки, как дорогие духи. В общем, черт побери, эдакий Дориан Грей от поэзии. Один известный наш писатель сказал о «шестидесятниках» (к которым — надеюсь, многие помнят — относятся и Вознесенский!), что их грех — в задержанной молодости: до сих пор так же пьют, так же гуляют и, как мальчики, капризно жаждут похвал.

Может быть, в жаждут... А кто не жаждет?

В Праге при всем при том он был нарасхват. Пожалуй, три главные звезды и светила на этом «Пен-клубе»: он, Гюнтер Грасс и Артур Миллер. Классики по жизни.

Беседа получилась какой-то беспутной, но можно ли от поэта ждать логики? От поэта можно ждать чувств!

А. В.: ...Вы говорите, наш голос сегодня никто не слышит, народ глух, поэты остались в одиночестве, аудитория потеряна...

О. Д.: Да, в том смысле, в каком это было двадцать, тридцать лет назад, когда душились на стадионах, чтобы услышать, что вы там будете в рифму вещать, когда вам смотрели в рот и творили из вас кумиров.

А. В.: Я не думаю, что аудитория потеряна. Может, был бы и рад, если бы правда была на вашей стороне, жилось бы спокойнее тогда. Но у меня пока еще не было пустых залов... Может, и буду, не знаю. Извините, что я буду говорить, как Игорь Северянин, «все про себя роскошно», — но вы попробуйте купить мою книгу! Вот вы сейчас пишете, подложив под бумагу мою книжку, которую я с трудом нашел в одном экземпляре.

О. Д.: Извините, это ничего, что я на ней пишу?

А. В.: Ничего страшного!

О. Д.: Нет, лучше заберите ее, а то следы останутся!

А. В.: ...Да, так вот, по-моему, это самая дорогая книжка в Москве. Странно, вот посмотрите, я всегда читал в залах свои самые сложные стихи, все время поднимал планку, а приток слушателей только усиливался. Моя поэзия никогда не была пишей для посы. Даже критики если меня в чем и упрекали, так в сложности. Но вот парадокс: при этом были и полные стадионы, и полные залы...

О. Д.: То, во что вы верили в шестидесятых, теперь кажется вам наивным?

А. В.: Да! Безусловно, наивным, потому что мы идеализировали людей. Человеческое темное начало мы, «шестидесятники», не принимали всерьез. Впрочем, если повторить все... Все равно свобода нужна и демократия нужна. Но желательно бы все-таки по западному варианту.

О. Д.: В интервью «Руде

право» вы сказали про сегодняшнюю жизнь: «Лично со мной все в порядке». Значит, вы под обвал перемены не попали — по-прежнему в труде и на плаву?

А. В.: Не так. Я там сказал: в отличие от других. Многие писатели сегодня практически не имеют на кусок хлеба, никто не хочет покупать их книги. Не потому, что книги плохие, просто дорогое это нынче удовольствие — книга.

О. Д.: Вы-таки производите впечатление счастливого человека... Неужели же ничего в вашей жизни не изменилось к худшему?

А. В.: В моей жизни изменилось многое. Весь этот ужас, который вокруг, весь этот беспредел, нищие на улицах, ощущение, что все мы по уши в дерьме, по уши в печали, — какая же с этого радость? Но вот ведь что странно: почему-то этот апокалипсис дает жуткую творческую энергию. Работаю, как никогда, много, с каким-то парадоксальным оптимистическим подъемом. По-человечески — несчастлив и счастлив как создатель, так, наверное... В светлое наше будущее я не ве-

Конс. правда. - 1994. - 24 июля

Андрей Вознесенский:

«Есть страшный кайф в нашей ужасной жизни»

ШАБАШ МУЗ

рю. Но надо же что-то делать, по-мужски себя вести, а не сидеть и не плакать, как на похоронах.

О. Д.: Что лично вы можете сделать?

А. В.: Я хотел бы разбудить людей, ведь мы сейчас оцепенела, сонная страна. Я не пойду в политику, дилетантов там хватает и без меня. Меня толкали в парламент — я не пошел. Что я там буду делать? Если я начну говорить, как надо перестраивать экономику, — это будет смешно. Но я могу дать метод — метод новизны, что ли, сюрреализма, неожиданности... И, может быть, под наркотиком моих стихов экономист и найдет нужную нам терапию? А искусство, я считаю, должно заниматься своим.

О. Д.: Чем?

А. В.: Чистым искусством. Я решаю проблемы чисто поэтические. То, что называется поэзией для поэзии. Считаю, для этого я рожден.

О. Д.: Раньше вам запрещали это?

А. В.: Раньше я мог напечатать разве что как хохму где-нибудь в разделе юмора то, что сегодня делаю вполне

серьезно. Знаете, стихи без запятых — это в застойные времена было пострашнее, чем стихи против Советской власти или против милиционера. И оппоненты были правы! Ведь это тоже своего рода попытка путча — в менталитете, психологии. А сегодня я могу работать на уровне самой поэзии.

И если вот так каждый будет что-то делать — профессионально! — может, что-то и получится. Процесс ведь идет, и это главное!

О. Д.: Так разные же бывают процессы. Заживления, загнивания. Какой идет процесс?

А. В.: Я не знаю... Динамический процесс, наверное, несущий в пропасть... А с другой стороны, масса мелочей, которые радуют. Вот все ругают новых русских: много хапают, сорят деньгами. Но посмотрите: ребята из «Инкомбанка» — им по 30—35 лет — где-то разыскали четвертый квадрат Малевича, купили его. А могли бы яхту купить или сауну.

О. Д.: Ну, я думаю, это прежде всего отзывается коммерческая хватка: Малевич потом еще как окупится.

А. В.: Может быть. И все-таки надо уметь понимать, что такое Малевич. Или вот одна из моих видеом — пасхальная яйцо, которое я поставил на улице Неждановой. Это как бы Пасха, и это — Глобус, и это оптимизм: «Россия воскресет!». Деньги мне на него тоже дал банк...

Правда, яйцо это разбили. Наверное, действовала какая-то организованная группа. Ведь крепкая очень была конструкция, металлическая арматура, пять метров высотой. И знаете, осколки тоже легли в какой-то своеобразный дизайн. Вроде как лежит разбитое человеческое искусство... Вообще из этого яйца трагическая судьба. Во время событий прошлого октября сначала в мое яйцо попали две пули, а потом рядом с ним убили трех человек. Я тогда как раз приехал из Тольятти и специально побежал посмотреть, что с моим яйцом. По-

болтал там с ребятами из ополчения, потом двинул на набережную, а тут их и убили...

О. Д.: Вы что, шли к «Белому дому»?

А. В.: Ну, конечно! Я почти подошел к нему. Мою морду знают — меня пропустили сквозь кордоны. Я шел, а вокруг свистели пули: тук-тук! А потом я наткнулся на какую-то часть, которая пришла не из Москвы. И вот я помню, такой маленький корявый лейтенантик как заорет на меня: «А ну, твою мать, к стене!» И, знаете, дрожь прошла, когда я встал к стене...

А люди шли, как на кайф, это была стихия зевак... Никто не боялся пуль. Может быть, жизнь для многих просто потеряла ценность? Потом, когда все уже было кончено, я достал несколько тысяч шприцев и отнес их в Склифосовку. Чтобы и тем досталось — и тем... Я просто отдал шприцы русским людям, которые убивали друг друга.

«Позабыв клеймить и охать, я гляжу на «Белый дом», почерневший точно ноготь от удара молотком». Это мои стихи. И еще что-то такое бы-

ло, я уже точно забыл слова, но одну строчку помню: «Я гляжу позор страны...»

То, что мы потеряли империю, — плохо. Последнее мое произведение так и называется «Репейник империи», я там признаюсь, что империя во мне сидит. Я люблю и Мавзолей Ленина, и Академию бронетанковых войск — весь этот осмеянный соцарт. Люблю этот имперский стиль! Я ведь по образованию архитектор.

Нельзя было терять империю. Надо было ее как-то изменять, демократизировать. Но дело сделано! Кажется, это генерал Лебедь сказал: «Тот, кто не жалеет, что распался Союз, — у того нет сердца, но тот, кто считает, что Союз можно восстановить, — у того нет мозгов».

Я считаю, нельзя все же отчаиваться. Ну что — стреляться? А кому отдавать это незаселенное пространство? Я думаю, что все, что делается сегодня, — не зря. Какой-то высший разум реализует свою программу, пока непонятную нам. Может, мы всего лишь посредники этих высших, космических — или, хотите, назовем потусторонних — сил? Я вот тоже сейчас сижу, как размазня, но если вдруг я пойду бродить и возникнут какие-то стихи, это значит, кто-то мне их надиктует. Я точно знаю, что идет какой-то контакт с ними, понимаете? Почему я никогда не пишу стихи в комнате? Потолок, стены — все это мешает. Я должен быть в открытом пространстве, это как-то связано с небом. И только, когда вот так идешь, — оттуда тебе диктуется... Тьма, тьма, тьма, тьма — мать, мать, мать, мать...

О. Д.: Всех сейчас интересует, что с русской литературой, есть ли надежда на новых Чеховых, Достоевских. Что вы на это?

А. В.: Я верю в молодых художников. У них совершенно нет никакого страха. Они не пережили арестов, ГУЛАГов. Так что все наши надежды на следующее поколение — чистое, не знающее компромиссов. Хотя, если объективно про теперешних... Хотя кто-нибудь из них встал поперек мафии? Абсолютное непротивление тому, что сегодня происходит!

Вы думаете, я почему никогда не уезжаю? По двум вещам. Во-первых, ты не можешь бросить страну, не можешь предать людей, которые в тебя верили. Ты ведь поэт, ты не скрипач и не балерина. Второе: тут, за границей, неинтересно жить. У нас происходят страшные события, но некий нерв еще жив! И есть потому какой-то страшный кайф в жизни!

Беседу вела
Ольга ДМИТРИЕВА.
Прага.

Фото Владимира
ВЕЛЕНГУРИНА.